

Елена Феникс

**Между ангелом и бесом,
между небом и землей**



ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Е50

Елена Феникс

Между ангелом и бесом, между небом и землей / Елена
Феникс — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2019. — 179 с.

ISBN 978-5-5321-0149-4

У каждого из нас своя миссия на этой земле. И у каждого за правым плечом ангел, а за левым - бес. Ангел направляет, бес сбивает с пути истинного. А настоящая Любовь дается в награду только тем, кто успешно справился с этой миссией. Таких пока единицы. Мы искренне надеемся на то, что после прочтения этой книги таких людей в России станет хотя бы немного больше. Содержит нецензурную брань.

Прежде, чем мне было позволено прикоснуться к этой теме и написать первую фразу, со мной произошло в общем-то рядовое, незапланированное событие. Я неожиданно для себя попала в Елоховскую церковь в Москве. После работы за мной в офис заехал мой брат Игорь. Не говоря ни слова, он привез меня в этот храм. Я знала, что ничто не происходит случайно, что в любом, самом будничном событии всегда сокрыт глубокий смысл. Вот и теперь я поняла, что мне необходимо испросить позволения приступить к написанию книги, которую я уже несколько месяцев обдумывала.

Что-то мешало мне сесть за работу. Не строилась сюжетная линия, шли обрывы мыслей, но главное – присутствовал страх. Я собиралась «привязать» земные события к небесному плану, рассказать о предопределенности бытия, о предначертанности судьбы. И этому у меня были доказательства. Страх же был вызван тем, что мои доводы могли быть опровергнуты читателями одним лишь словом: случайность! То есть, даже, если со мной лично происходили некие события, которые я задолго до их осуществления в реальности видела во сне, даже, если события те были предсказаны мне ясно-видящими, все это по большому счету не является доказательством того, что у каждого человека существует план судьбы. И что каждый из нас живет в рамках давно и тщательно продуманного сценария, который мы неосознанно корректируем своими поступками.

Тема представлялась мне столь многогранной и масштабной, что без помощи Высших сил, без их одобрения обойтись было невозможно.

В Елоховской церкви я уже бывала и всякий раз моя душа испытывала здесь удивительное спокойствие и радость независимо от того, в каких жизненных обстоятельствах я в это время находилась. Поняв, что меня сюда привели, я отключила мысли и расслабилась. Едва переступив порог церкви, мои ноги сами направились к Иоанну Богослову! Я не знала прежде, где именно находится эта икона и есть ли она в этом храме вообще. Как не было у меня в мыслях поставить свечу именно этому святому и именно его просить о помощи в написании книги.

Мысленная молитва полилась из меня потоком. Я просила вложить в мои уста те слова, которые силы небесные хотели бы донести до людей. Я просила не дать мне сгореть в огне Божественной энергии и не отступить от нее ни на шаг, написать то и так, что должно наполнить души людей светом и верой, помочь им понять себя и почувствовать в себе Бога.

Я поставила свечу святому, подошла к иконе Иисуса, долго и страстно благодарила его за все посланные мне испытания, потому что если бы не они, я бы не смогла найти дорогу к Нему. В какой-то момент взгляд Иисуса на иконе ожил! Он был теплым, добрым! На душе у меня стало невероятно празднично! Он услышал, Он понял, Он поможет, как помогал всегда! И каждая моя строчка – суть Его одобрение.

И сейчас на моем столе перед компьютером стоят иконы Иисуса, Николая Чудотворца, Ксении Петербургской и Митрополита Московского Феофана, а за спиной – архангела Гавриила. Передо мной лежит ладан, аромат которого я вдыхаю всякий раз, когда сажусь за книгу, и горит свеча – чтобы нечистые мысли не препятствовали работе.

Только бы выдержало мое сердце! Напор огненной энергии так силен, что порой трудно дышать. Голову разрывает изнутри, мысли строятся в очередь и торопят пальцы, стучащие по клавишам компьютера. Пальцы не успевают! Мне дают передохнуть, но совсем чуть-чуть, только, чтобы поспать и приготовить быструю еду. Чтобы ничто не отвлекало от написания книги, у меня не работает работающий телевизор – какая-то неожиданная беда то ли с антенной, то ли с кабелем. Только в одну сторону начал работать проводной телефон: я могу звонить, мне – нет. Даже то, что со своими сыновьями я сейчас не вместе, живу на квартире одна, дано мне для того, чтобы материнские хлопоты не перетягивали «одеяло» на себя.

После посещения Елоховской церкви в астральном видении я увидела, как огромному, в светлом одеянии мужчине явно неземного происхождения кто-то протягивает листы бумаги, и я понимаю, что это выдержка из вот этой моей будущей, еще ненаписанной книги.

Мужчине показываютна слово «Воплощение». И он кивает головой, и я слышу его одобрителное «Да».

Воплощение – термин не христианский! В Библии об этом нет ни слова. Реинкарнация, перевоплощение – это из буддизма, ламаизма.

Как такое может быть? Ведь Бог – один? Почему этот основополагающий момент обойден Священным Писанием? Так не от недоверия ли, не от отсутствия ли знания о прошлом своем и будущем, о предназначении, которое должны выполнить в этой жизни, мы идем к гадалкам, в духовные центры за приворотами, снятиями проклятий и порчи...? А ведь, знай мы себя, умей мы душой прикоснуться к Нему, насколько ярче, красивее и счастливее стала бы наша жизнь!

Глава первая

Какая разница, проиграешь ты то, что выиграл, или выиграешь то, что проиграл?

– Ты счастлива? – спросил Роман, заглядывая мне в глаза. – Ты победила! Понимаешь?! Он, наконец, поставил мое замерзшее тело на бrenную землю, и я смогла разглядеть его в свете яркого фонаря.

Роман сильно сдал. Его некогда черные волосы приобрели... в другое время я бы сказала – благородную седину. Но седина Романа была неблагородного, не возрастного происхождения. Роман попал в жернова жизни и побелел, очевидно, от потерь и ударов.

Я всегда пристально следила сначала за его восхождением, потом – за стремительным падением. И в том, и в другом случае он в какой-то момент переставал владеть собой и начинал на потеху врагам совершать серьезные ошибки.

Романа заносило.

В благополучные периоды, когда он не сходил с экранов телевизоров и вещал об умных вещах планетарного масштаба, Роман становился недостижим даже для вчерашних друзей, лишь изредка одаря их сановным вниманием в виде легкого кивка красивой головы и обещая поддаться всем перцу. И – исчезал. Улетал, уезжал, уплывал, чтобы в этот же день вынырнуть где-нибудь рядом с бастующими русскими в Прибалтике или поставить на место зарвавшихся братьев-украинцев. Или мирно посидеть за любовно сервированным столом на берегу дикого озера в российской глубинке. Да мало ли способов с политической пользой и усладой физического тела провести рабочее время.

Когда же дела Романа пошли вкривь и вкось, он стал еще более недостижим, ибо его гордость не позволяла ему предстать перед прежними друзьями в облике неудачника.

В каком амплуа Роман явил себя передо мной в этот морозный вечер, я не могла понять. С экранов телевизоров и радиоэфира он давненько исчез, журналисты потеряли к нему интерес, предварительно поточив об него зубы и перья. Поговаривали, что канет теперь в политическую лету Роман Алексеевич, не сможет возбудить народ обещаниями некой особой жизни, признаки которой в его речах угадывались весьма смутно и имели сомнительное свойство – идти на абордаж не знамо чего, не знамо с кем, не знамо зачем. То есть четкой программы действий у Романа не было. Был какой-то мальчишеский задор и максимализм, не стыкуемый с реалиями.

Впрочем, удивляться не приходилось. Роман обходился без советников, пиарщиков тоже не держал. Никто не выстраивал его политическую линию, никто не помогал оформить в логичные и последовательные словеса его цели и задачи, никто не писал ему умные речи. Он все делал сам. И получал от этого кайф. И его заносило. Примерно так, как занесло сегодня ко мне.

С какой стати ему, политику, приносить мне эту новость: журналистка из забубенного региона выиграла суд о восстановлении на работе! Ну и что? Нет, конечно, случись такое счастье пару годков назад, я бы, может, и задрала нос: самого губернатора «обула»! Ведь именно он, негодник, упорствовал в отстаивании мной прав «человека и парохода». А сегодня...

– Я счастлива! – честно посмотрев в глаза Роману, сказала я. И прислушалась к себе. Мое второе Я молчало. И тоже к чему-то прислушивалось. Наверно, пыталось понять, чем чревата моя победа? Ведь на Кавказе женщине могут простить все – загулы, пьянство, даже тумак мужу, но противостояния на равных, в профессиональной сфере, да к тому же щелчка по носу в виде победы над властью-мушцами – никогда! И что теперь мне ожидать от этой победы, что с ней делать, я не имела представления.

Фейерверк, только что развернувшийся над моей головой от прикосновения губ совсем недавно нежно любимого человека, потух, оставив в память о себе седую, как Романовы волосы, дымку в морозном московском небе.

– Пойдем к тебе?! – предложил Роман.

Я поежилась и отрицательно покачала головой. По логике, я вела себя глупо. Я должна была со счастливым смехом висеть сейчас на его шее, захлебываться слезами и рассказывать, как мне было плохо без него, как я ждала, как верила, что он помогает мне. Я должна была колотить широкую Романову грудь кулачками и радостно-обиженно плакать, причитая, например, в таком духе: «Где ты раньше был, целовался с кем?»

Короче, я должна была быть просто женщиной. Но для начала я вообще должна была быть. Но меня не было. А та, что была, была не я. От той меня – яркой и огненной, которую знал Роман, и которая вусмерть бодалась со Ставгородской властью, осталось одно воспоминание. Та я давно умерла. А эта пыталась заново родиться, но никак не могла. Застряла где-то в родовых путях и совершенно одурела от боли. Попробуйте-ка годков несколько биться головой о бетонную стену по имени Региональная Власть, при этом получая пинки сзади и зуботычины сбоку! Но не живописать же Роману о таких прозаических вещах? А других «вещей» у меня не было. Можно сказать, у меня на этот момент вообще ничего не было: ни родины, ни жилья, ни работы, ни денег, ни имени, ни друзей, ни семьи, ни здоровья, ни перспективы, ни – что самое страшное – желания обрести все это. Любой затрапезный бомж казался богаче меня и счастливее. По крайней мере, никто не преследовал его, и он мог честно и прямо смотреть людям в глаза, попрошайничая, заливая в голодную утробу всякую нечисть, и мирно укладываясь на ночь под первым попавшимся забором.

Наверно, у бомжа тоже когда-то было все – и жилье, и деньги, и семья. Но бомж лишился всего и «забил» на это: на нет и суда нет. Отсек прошлое и живет дальше, как умеет, не «парится». У меня так не получалось.

Зачем мне вести Романа к себе? В моем убогом жилище было сыро, холодно, в холодильнике с прошлого выходного болтались несколько сосисок, кусочек сыра и неведомыми тропами забредшая баночка красной икры: удружил кто-то из моих сынов во время визита к своей блудной матери.

Не волнуйся, у меня кое-что есть с собой, – Роман вынул из глубокого кармана кожаного пальто бутылку martini и шоколад «Вдохновение».

Да уж. В самый раз.

– Пойдем-пойдем! Нам надо поговорить и кое-что обсудить.

Конечно, я бы предпочла обсуждать свою победу и это «кое-что» в более комфортной обстановке, нежели моя съемная квартира. И в другое время. Года два-три назад. Но тогда моя победа где-то шлялась в лабиринтах власти.

– Хорошо, Роман. Ко мне так ко мне. Только без эксцессов. Чай, не в рай попал!

Брезгливо озираясь в подъезде по сторонам, Роман молча поднялся на мой этаж, так же брезгливо и молча оглядел допотопное жилище. Я не собиралась оправдываться. Я даже не смущалась нищеты, в которой жила сегодня. Только увидела весь ее ужас, взглянув на примитивную обстановку глазами Романа. Увидела, констатировала: да, это – жуть. И – все. Даже в сердце ничто не дрогнуло. Да и чему там уже дрожать? Заледенело все. Или вымерзло.

Или вымерло.

– Так вот, почему я даже порадоваться не могу по-человечески! – скорее самой себе, нежели Роману, сказала я и пошла к холодильнику.

Я соорудила из сосисок и обнаруженного яйца омлет, сделала сэндвичи из поджаренного хлеба с сыром, малюсенькие бутербродики с красной икрой и веером разложила на столе «Вдохновение».

Все это время Роман сидел за столом и заполнял пробелы в моем знании его жизни. Это дало мне возможность уйти в себя. Голос Романа стал фоном, на котором отчетливо проступили кадры киноленты моей собственной жизни в последние годы. Причем, не этой, будничной, земной жизни. А той, другой, запредельной, которая шла параллельно и чуть впереди происходящим реальным событиям.

... Я стояла на узенькой 10-сантиметровой тропинке, прижимаюсь спиной к черной горе. Подо мной была пропасть, дна которой углядеть было невозможно. Ноги были в пятой балетной позиции – пятка к пятке, руки раскинуты в стороны в попытке ухватить

хоть какую-нибудь растительность, чтобы зацепиться и устоять. По всему склону горы, так же как и я стояли другие люди, но почему-то они могли перемещаться по этой узенькой тропинке над пропастью. И только мне нельзя было сделать ни шагу.

Вдруг я ощутила, что черная гора давит мне в спину. Плавно, без толчков, чтобы я тут же сорвалась в пропасть, но настойчиво, с укорачивающимися промежутками времени, с силой, незаметной и не ощутимой для остальных.

Я панически кручу головой и понимаю, что устоять невозможно. Справа от меня, так же распластавшись на горе, спокойно стоит подруга Ольга. Я кричу ей, что еще секунда, и я полечу вниз! Она отрывается от горы, легко подходит по тропинке ко мне, берет меня за руку. У меня обрывается сердце от страха, что придется сделать шаг, который неминуемо приведет к гибели. Но Ольга выводит меня в туннель, вплотную примыкающий к черной горе и уходящий под землю. Это единственный выход, чтобы избежать падения и гибели.

Я иду по этому грязному, заполненному нечистотами туннелю одна. Впереди брезжит свет. Я устремляюсь к нему и вижу дверь. Радостно распахиваю ее и... замираю. На выходе меня встречают трое:

– Ну, выходи, выходи, Леночка! Пришло время поговорить!

Крючковые руки силой выдергивают меня из туннеля. Три мужские черные сущности, отставив в сторону факелы, набрасываются на меня.

– Займись ее телом! – с комсомольским задором кричит самый злобный самому жирному.

– А ты рви ее душу! – командует жирный с отвислым носом задорному злобному.

– Дух, самое главное сломать ее дух! – вопит третий в милых очочках мэрским голосом Шакала из «Маугли».

Я понимаю, что здесь, под землей, мои ангелы не смогут прийти мне на помощь. Я слышу их голоса, воинственные крики где-то высоко надо мной, над туннелем. Я пытаюсь сопротивляться насилью, но расчлененной натрое делать это невероятно сложно. Моя душа видит, как тело безжизненно падает на землю, и омерзитель-